

ПРАВО НА ПАМЯТЬ

Федор ВОЛКОВ.

У старателей-золотодобытчиков это называется словом «фарт»: после целых недель перемывания песка, в котором лишь изредка блеснут желтые крупинки, вдруг глухобрякнет о дно таза драгоценный самородок, а там вскоре, глядишь, и второй... И вот таких самородков, из самой гущи народной, веками придавленной татарским игом и царской опричниной, тяглом и поборами, подьячими и воеводами, косностью и невежеством, дал России XVIII век. Их было немало, этих самородков, чьи имена — в «золотом фонде» русской науки и искусства, но два из них — самые весомые.

С рыбным обозом пришел в Москву и настойчиво постучался в ворота Заиконоспасской, то бишь славяно-греко-латинской академии крестьянский сын Михайло Ломоносов, первый русский ученый, прославивший доселе нездешнее поморское село Холмогоры. А десятию годами позд-

нее в те же ворота входил сын и внук костромских купцов — Федор Волков. Крестьянскому сыну покровительствовали музы наук Урания и Клио, и он стал «уловителем умов». Купецкого сына прельстила музыка Мельпомена, и он стал первым русским актером, уловляя людские сердца.

Собственно, театр на Руси знали и до Волкова: повсюду гремела слава скоморохов, но на «бесовские сомища» ополчилась церковь, при государевом дворе давались представления (царицы сидели за занавеской и подсматривали в дырку), но актерами были немцы с Кукуй-слободы, в кадетском корпусе разыгрывались пьесы, но актеры-любители, получив офицерские патенты, разъезжались по полкам. А веселая императрица Елизавета до ужаса любила театр: она сама гримировала милых артистов, и, месяцами не принимая с докладами министров, каждый вторник устраивала придворные маскарады. Даже на царской коронации в Москве поставили оперу «Титово милосердие» — ее смотрел, млея от восторга, школяр Федор Волков.

В 1752 г. мотавшийся по провинциальным резиденциям сенатский экзекутор Игнатъев привез в столицу весть, что где-то на Волге молодой купчик Волков вкуче с товарищами завел настоящий театр и играет куда презрительно. Тотчас последовало повеление — доставить новоявленную труппу в Петербург и испытать, каковы они на деле. Дебют прошел удачно. Но для театра одних способностей недостаточно: нужно умение, а знатоки отметили, что игра Федора «только что природная и не весьма украшенная искусством».

Елизавета решила с театром повременить, а пока определить Волкова в кадетский корпус обучаться разным наукам.

Наконец, в 1756 г. обучение закончилось и вышло повеление: большой пустующий дом Головкина на Васильевском острове именовать русским комедийным домом, а множество в том доме крыс проживающих уничтожению предать, для чего в покой посадить 300 котов. Собрать котов оказалось легче, чем артистов. Помимо Волкова, ставшего первым актером русского театра, труппа состояла всего из трех человек. Тогда для обучения «трагедии» определили семь «спавших с голоса» певчих придворного хора. С этих 300 котов и с 7 безголовых певчих началась история русского сценического искусства.

Денег театру отпустили всего по 5 тыс. рублей на год (французская труппа получала по 25 тыс.), и Волкову пришлось туго. Он одновременно был и администратором, и режиссером, и актером, и декоратором, и механиком сцены.

Скупые воспоминания современников донесли до нас творческий облик первого русского актера. С созданием театра, пишет один из них, Волков «показал свои дарования в полном уже сиянии, и тогда-то увидели в нем великого актера». Он «с равной силой играл трагические и комические роли», — отмечает академик Штелин, «театральной искусством знал в совершенстве», — дополняет И. И. Новиков. На сцене Волков играл экспрессивно. «Настоящий характер его, — сообщает зритель, — был бешеный».

Театр был, но публики еще не было. Зрителей, непривычных к ново-

му зрелищу, приходилось формировать, воспитывать. Места в театре раздавали по чинам, а чиновники сажали на представление только под угрозой штрафа. Они, жаловался драматург Сумароков, «грызут... во время представления орехи и, когда представление в пущем жаре своем, секут поссорившихся между собой пьяных кучеров ко тревоге всего партера, лож и театра». Некоторые же демонстрировали в театре свое презрение ко всему русскому. Наследник престола голштинский принц Петр, когда давались трагедии, приходил с собакой и в самый критический момент наступал ей ногой на хвост — собака выла. С этим Волков рассчитался полностью: он был одним из активнейших участников заговора, свергнувшего Петра III с престола.

По своим талантам и знаниям Ф. Г. Волков был настоящим энциклопедистом. «Театральное искусство, — писал он в высшей степени, — подчеркивал И. И. Новиков, — приемом был изрядный стихотворец, хороший живописец, довольно искусный музыкант на многих инструментах, посредственный скульптор и, одним словом, человек многих знаний в довольной степени».

Внешние данные были у Волкова достаточно благодарны. Среднего роста, несколько предрасположенный к полноте, он имел величественную и благородную осанку, необыкновенно приятное и выразительное лицо, темно-русые вьющиеся волосы, быстрый взгляд и чистый голос. «Трезвого жития и строгой добродетели», суровый на первый взгляд, артист был прекрасным товарищем и остроумным собеседником. Сохранилась его превосходная эпиграмма на одного из придворных:

«Всадника хвалят: хорош молодец!
Хвалят другие: хорош жеребец!
Полно, не спорьте: и конь, и детина»

Оба красивы, да оба — скотины».

Восшествие на престол Екатерины II принесло Ф. Г. Волкову достоянное звание и богатые поместья. Но актер не захотел оставить любимое дело и даже отказывался от награды и почестей: они мешали ему быть на равной ноге с сослуживцами по театру. Зато он с радостью принял поручение новой императрицы организовать во время ее коронации в Москве уличный маскарадопроцессию, так как это совпадало с его заветным стремлением обслужить народ полезными увеселениями. Процессия называлась «Торжествующая Миневра». Помимо увеселений, она преследовала и нравственные цели — воспитать в народе отвращение к порокам. В ней участвовало более двухсот фантастически разукрашенных колесниц, каждая запряжена 12—24 волами, и около 4 тыс. человек. При подготовке и проведении процессии Волков порастил современников яркостью режиссерской выдумки и огромным вкусом.

Смерть первого актера русского театра символична. Во время процессии три дня он не знал покоя, не спал и не ел. События развивались быстро: утомление, простуда, тиф. 4 апреля 1763 г. Волкова не стало. Он прожил всего 34 года, был холост, и, по словам друзей, даже никогда не влюблялся — вся его жизнь была посвящена искусству.

«Россия обязана Волкову началом своего театра», — писал В. Г. Белинский. «Волкову мы всем обязаны», — вторит ему Щепкин. Но, продолжал Белинский, «будь он иностранец, его соотечественники давно бы истребили его жизнь на трагедии, комедии и драмы, оперы, водевили, повести, сказки, а у нас нет даже полной его

биографии...» С тех пор положение изменилось. Именем Волкова названы театры, площади, о нем написаны монографии.

Федор Григорьевич Волков родился в Костроме 9 февраля 1729 г. Он происходил из старинного костромского рода, записного в пятую сотню тяглогового посадского купеческого сословия. Здесь у него постоянно проживали два младших брата, Иван и Григорий, причем последнего актер очень любил и был с ним неразлучен. Основу шаткого материального благосостояния Волковых составлял купоросный завод, находившийся на берегу Унжи, в с. Коврове близ Макарьева. Видимо, основатель русского театра, до отъезда в Петербург сам управлявший заводом, неоднократно бывал там. Волков всю жизнь был тесно связан с Костромой — недаром еще в начале нынешнего века здесь находили принадлежавшие ему книги и вещи. Но среди многих улиц, названных в честь выдающихся людей — костромичей и не костромичей, улицы Волкова мы не найдем.

У Волкова в Костроме было два дома, в одном из которых родился гениальный актер. Жил он в обоих. Один, каменный, двухэтажный, был снесен в 1809 г. и на его месте построен новый трехэтажный (ныне ул. Свердлова, 3), другой — в начале ул. Симановского — в нем сейчас помещается булочная (задняя, более высокая часть здания пристроена значительно позднее). Здания эти никак не отмечены. Неужели в Костроме столь дефицитны мемориальные доски?

Выдающийся деятель, обессмертив свое имя, прославляет и свою родину. Но и родина обязана сделать все для сохранения и увековечения памяти своего замечательного уроженца.

В. ВАВИЛОВ.